

Научная статья

УДК 342.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>

Юлия Николаевна Красникова

доктор исторических наук, доцент

<http://orcid.org/0000-0002-1883-1553>, julia2404@mail.ru

*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5*

Особенности правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века на примере Департамента уделов

Аннотация: Введение. Статья посвящена рассмотрению выявленных особенностей в правоприменительной практике законодательства первой половины XIX века на примере высшего государственного учреждения – Департамента уделов, который обеспечивал содержание членов императорской фамилии. В истории изучаемого ведомства проявилась противоречивая природа монархистской власти. Император, являясь высшим законодателем, находился перед сложной дилеммой: как соблюсти баланс общегосударственных и личных интересов. Управляя собственным хозяйством, он корректировал под интересы Департамента общегосударственную правоприменительную практику, уточняя ее резолюциями. **Методы.** Основными методами исследования стали структурно-функциональный и герменевтический. Они позволили не только поработать с текстом и его смыслами, но и увидеть то особенное, чем выделялось изучаемое нами ведомство в общегосударственной системе высших учреждений Российской империи первой половины XIX века. **Результаты.** Автор пришел к выводу, что особенности правоприменительной деятельности Департамента уделов в первую очередь определялись специфичностью его задач. Правоприменительная деятельность размывалась интересами членов императорской фамилии и общегосударственными задачами. Невнятности (двусмысленности) добавляло отсутствие некоторых управленческих решений в нормативно-правовых актах, их закрепление лишь в виде резолюций к документам. Это приводило к противоречиям правоприменительной деятельности и осложняло взаимодействие Департамента уделов с другими государственными учреждениями Российской империи.

Ключевые слова: Департамент уделов, императорская фамилия, правоприменительная практика, законодательство первой половины XIX века, Российская империя

Для цитирования: Красникова Ю. Н. Особенности правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века на примере Департамента уделов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 38–48; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>.

Original article

Yulia N. Krasnikova

Dr. Sci. (Hist.), Docent

<http://orcid.org/0000-0002-1883-1553>, julia2404@mail.ru

*Institute of History of Saint Petersburg State University
5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation*

Peculiarities of law enforcement practice of legislative acts in the first half of the XIXth century on the example of the Department of Estates

Abstract: Introduction. The article is devoted to the consideration of the revealed peculiarities in the law enforcement practice of the legislation of the first half of the XIXth century on the example of the highest state institution – the Department of Estates, which ensured the allowance of the members of the imperial family. In the history of the Department under consideration the contradictory nature of monarchist power was revealed. The emperor, being the supreme legislator, was faced with a difficult dilemma: how to keep a balance between national and personal interests. While managing his own economy, he adjusted the state law enforcement practice to the interests of the Department, clarifying it with his resolutions. **Methods.** The main research methods were structural-functional and hermeneutic ones. They made it possible not only to work with the text and its meanings, but also to understand the peculiarities that distinguished the Department of Estates in the state system of higher institutions of the Russian Empire of the first half of the XIXth century. **Results.** The author concluded that the peculiarities of the law enforcement activity of the Department of Estates were primarily determined by the specificity of its tasks. Law enforcement activity was blurred by the interests of the members of the imperial family and general state tasks. The absence of some managerial decisions in normative legal acts and their fixation only in the form of resolutions to documents created unclearness (ambiguity). It caused contradictions in law enforcement activities and complicated the interaction of the Department of Estates with other state institutions of the Russian Empire.

Keywords: Department of Estates, imperial family, law enforcement practice, legislation of the first half of the XIXth century, Russian Empire

For citation: Krasnikova Yu. N. Peculiarities of law enforcement practice of legislative acts in the first half of the XIXth century on the example of the Department of Estates // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 38–48; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>.

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в настоящее время правоприменительной деятельности (как на современном этапе, так и в историческом контексте) уделяется все меньше внимания [1, с. 227].

Законодатель, совершая правотворческую деятельность, должен завершить ее принятием правоприменительного акта, т. е. «применить правовую норму к конкретному жизненному случаю» [2, с. 87], воздействуя своей силой не только на субъекты правоотношений, но и на объекты правоприменительной деятельности [3, с. 114]. Анализируя правоприменение в историческом контексте, мы наблюдаем в ряде случаев такие же существенные недостатки, как и на современном этапе его развития: «...прямое нарушение правовых предписаний, правоприменительные ошибки, неприменение норм права или неправильное их толкование. Указанные отклонения в процессе правоприменения влияют на его итог и, как правило, получают формальное закрепление в дефектном правоприменительном акте» [4, с. 74]. Это приводит к трудностям в реализации права и избыточной делопроизводственной нагрузке на управляющие структуры. Процесс правоприменения требует от правоприменителя совершить действия для установления всех деталей дела, истолковать его, иногда преодолев пробелы в правовом регулировании [5, с. 73].

В Российской империи законодательство, регулируя наиболее важные сферы общественной жизни, закрепляло систему общеобязательных правил для всех участников правовых отношений. В частности, правовое регулирование делало прозрачной и контролируемой сферу управления, ограничивая действия служащих «по силе закона» и регламентируя порядок принятия управленческих решений. В первой половине XIX века в связи с реформой центрального аппарата управления усиливалась вертикаль власти, обрастая новыми правовыми принципами принятия управленческих решений. После эпохи коллегиальности стали обнаруживаться противоречия в системе законов, требовались уточнения и разъяснения. С изданием Свода Законов Российской империи казалось, что в сфере законности наступил должный правовой порядок. Но со временем стало понятно, что закон лишь условно очерчивает границы должного, правоприменение могло

носить достаточно вольный характер. Сам законодатель, требовавший от своих подданных неукоснительного исполнения нормативных правовых актов, в некоторых случаях не следовал им «не в пример другим».

Исследование историко-правовой традиции позволяет изучить механизмы законодательного регулирования и правоприменительной практики в дореволюционной России, а это в свою очередь способствует углублению понимания природы и преемственности государственного регулирования в правовой сфере.

Цели и задачи исследования заключаются в выявлении и изучении тех противоречий, которые проявились в правоприменительной практике первой половины XIX века. Объектом исследования стало высшее центральное учреждение Российской империи – Департамент уделов.

Историография вопроса достаточно скудна. Особенности правоприменительной практики Департамента уделов ранее не становились объектом отдельного исследования. При этом историки права отмечают особый интерес изучения монархического периода в истории науки русского государственного права, отмечая, что наибольшая законодательная активность в этой сфере наблюдалась со второй половины XIX века [6, с. 109]. Авторы выделяют и комплекс проблем правоприменительной практики в Российской империи изучаемого периода, который осложнялся противоречивостью законодательства в силу активного правотворчества, а также отсутствием «логически выстроенной системы в области правового регулирования», наличием большого количества правовых актов, «устаревших, дублирующих и противоречащих друг другу» [7, с. 100]. Не была осуществлена проверка предыдущих нормативных правовых актов, в связи с этим не сформировалась единая система законодательства, основанная на преемственности правотворческой традиции [8, с. 154, 158].

Исследователи, изучавшие правоприменительную практику в Российской империи, выделяют наличие характерных именно для нее правовых традиций и особенностей генезиса [9, с. 56]. Правоприменение даже таких значимых нормативно-правовых актов, как Устав о наследии престола от 5 (16) февраля 1722 г.¹, в эпоху дворцовых переворотов исполнялся вольно, основываясь не на внутренней логике нормы, а на расстановке «политических сил и симпатии дворянства» [10, с. 71].

В изучаемый нами период в государственном праве появилась и закрепились идея о «самодержавной власти монарха, которая не имеет ограничений» [7, с. 102]. Император, осуществляя общегосударственное правотворчество, определял и правоприменительную деятельность в Российской империи, и это имело общеобязательный характер для всех подданных. Но в управлении своим собственным хозяйством он считал эти правовые границы условными, что привело, по нашему мнению, к появлению интересного феномена правового дуализма: монарх как помещик и как император [11, с. 371]. Позиционируя удельную деревню как образцовую, правители первой половины XIX века хотели воплотить в ней те идеалы, которые не могли реализовать на общегосударственном уровне в силу разных обстоятельств. В истории изучаемого ведомства проявилась противоречивая природа монархической власти: император, являясь высшим законодателем, находился перед дилеммой как соблюсти баланс общегосударственных и личных интересов.

Статья основана на архивных документах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, и нормативно-правовых актах изучаемого периода. В исследовании рассмотрены документы трех фондов архивохранилища: Общей канцелярии министра финансов (Ф. 560), Департамента уделов (Ф. 515) и Непременного (Государственного) совета (Ф. 1147). Впервые вводится в научный оборот массив межведомственных и внутриведомственных документов делопроизводственного характера: отчетов, докладных записок, рапортов, адресов.

Методы

Основным методом исследования стал герменевтический метод. Он позволил исследовать правовые документы и делопроизводственные тексты не только со стороны разработки прямого управленческого действия, но и смыслов. Структурно-функциональный подход, хорошо себя показавший при изучении систем государственного управления, позволил оценить всю систему управления в целом и изучить отдельные ее элементы.

¹ Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. VI : 1720–1722. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 496–497.

Департамент уделов не являлся изолированной структурой, так или иначе он взаимодействовал с другими учреждениями Российской империи. Нами были выявлены механизмы влияния Департамента уделов на другие государственные учреждения.

Применение подхода исторического толкования в правоприменительной деятельности вполне себя оправдывает как в современной юриспруденции, так и при изучении содержания правовых предписаний в прошлом. Оно позволяет «прогнозировать направления развития права на основании знаний об исторических условиях разработки и принятия толкуемой нормы, оценивать возможности возрождения отмененных норм в повторяющихся социально-экономических и политико-правовых условиях» [12, с. 15].

Для понимания воли законодателя следует применять «способы толкования юридических норм, т. е. систему однородных приемов и правил, с помощью которых анализируется содержание правовых предписаний, раскрывается смысл всех составных элементов нормы права, нормативного правового акта в целом и иных актов правотворчества» [13, с. 20]. В контексте изучения Российской империи важно подвергнуть историческому толкованию и содержание самой нормы, которое изначально было заложено законодателем, и то, как эту норму трактовали субъекты, реализующие ее предписания. При этом особый интерес вызывают случаи, когда сам правотворец в разных случаях дифференцированно трактует свою же норму, исходя из личных предпочтений, что допустимо в рамках монархической формы правления. Несмотря на то, что правоприменитель понимает смысл и суть правового предписания, он неоднократно уточняет у законодателя его субъективный взгляд на смысловое значение нормы.

Результаты

Особенности правоприменительной практики Департамента уделов обуславливались в первую очередь его обособленным положением в структуре государственных учреждений Российской империи, а это определялось предметом его ведения: в компетенции ведомства входило стратегическое управление бюджетом членов императорской фамилии. Перед ведомством ставились задачи составления расписания выдачи сумм членам императорской фамилии и управления хозяйственной инфраструктурой.

В соответствии с Учреждением об императорской фамилии 1797 года², которым и создавалось ведомство, Павел I четко прописал размер выдачи содержания для каждого члена императорской фамилии в зависимости от степени родства. Сам же Павел Петрович первым его и нарушил, определив «суммы сверх расписания». Его потомки следовали уже сложившейся правоприменительной практике в расходовании средств удельного бюджета, увеличивая эту статью расходов год от года, при этом нормативный акт от 1797 года не утратил своей юридической силы вплоть до последней четверти XIX века [14, с. 33].

Законодатель, предписывая определенные правила поведения в конкретных жизненных обстоятельствах, ожидал от подданных точного им следования. Правоприменитель предлагал конкретному субъекту определенный вариант поведения, который соответствовал сословной принадлежности и текущей ситуации. Если применение общего законодательства слишком часто требовало учитывать конкретные обстоятельства, то вносились изменения в правовые нормы закреплением новых правоприменительных практик, варианты поведения уточнялись. В истории Департамента уделов противоречия между принятыми общегосударственными нормами и их применением наиболее ярко проявились в отношении к подведомственным удельным крестьянам.

Эта категория сельского населения появилась в соответствии с Учреждением об императорской фамилии 1797 года. Законодатель не заложил четкого правового статуса удельных крестьян, что являлось принципиальным положением в рамках сословного государства, когда за каждой категорией населения закреплялся свой «багаж» прав и обязанностей. Эволюция правового регулирования социального статуса удельных крестьян растянулась на всю первую половину XIX века. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативные правовые акты.

В самом Учреждении об императорской фамилии было заложено правовое противоречие: в поземельном отношении Законодатель приравнивал удельных крестьян к помещичьим, но уточнил, что к разряду частновладельческих они не относятся, а составляют

² ПСЗ. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. XXIV: 1796–1798. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 525–569.

отдельную категорию – удельные³. Чтобы проследить эволюцию правового положения удельных крестьян, возьмем для примера их брачные права и проследим трансформацию в регулировании гражданско-правовых отношений этой группы сельского населения Российской империи в первой половине XIX века.

С 1777 года крестьянки дворцового ведомства, которые также были переданы уделам в 1797 году, могли выходить замуж за крестьян других государственных селений (например, за экономических, конюшенных, государевых) без уплаты выкупа. А вот при переходе девушки после замужества в помещичье имение уплачивались выводные деньги в размере 5 рублей⁴. Удельные крестьянки при выходе замуж за крестьян любого ведомства совершали выход беспрепятственно (т. е. бесплатно). Таким же правом пользовались государственные крестьяне. Требовалось только письменное согласие общины, наличие которого проверялось приходским священником при венчании. Сельские старосты должны были проводить беседы о пользе выбора женихов из удельных крестьян, но оговаривалось, чтобы «и в сем случае принуждения никакого не чинить»⁵.

С 1800 года вводилось новое правило в отношении браков с представителями городских сословий, купцами или мещанами: отпускать крестьянок по «праву помещичьему», т. е. с уплатой первыми выводных денег в размере 100 рублей⁶. Возникло правовое противоречие: в отношении браков между крестьянами действовало законодательство о государственных крестьянах, а при заключении браков с представителями свободных сословий – нормативные акты, касавшиеся помещичьих крестьян. Такой дуализм в правоприменительной практике приводил к тому, что чиновники удельного ведомства были вынуждены в каждом случае спрашивать, как им поступить. Так, в Санкт-Петербургском удельном отделении удельная крестьянка выходила замуж за плотника адмиралтейской команды, и начальство попросило разъяснение, надо ли брать выводные деньги. Департамент еще раз уточнил, что деньги взимаются только при выходе замуж за купца или мещанина.

Указанный выше правовой дуализм приводил к размыванию границ правовой нормы и в правоприменительной практике: и удельные чиновники, и сами крестьяне достаточно вольно интерпретировали установленные правила. Поэтому случались венчания удельных крестьянок с лицами не их ведомственной принадлежности или иного социального статуса без свидетельства от приказов, равно как и без платежа выводных денег. За этим последовал ряд нормативных актов, которые обязывали исполнять уже принятые правила, с определением санкции за нарушение предписаний⁷. Если семья выдала замуж дочь за купца или мещанина и с последних не взяли выводных денег, то обязанность их выплатить накладывалась на семейство крестьянки.

Департамент очень строго следил за взиманием выводных денег, отмечая это в своих отчетах. И все же исключения из правил были. В 1804 году купеческий сын тайно женился на удельной крестьянке, принадлежавшей Тамбовской экспедиции. На оплату положенной суммы у него денег не было, о чем он заблаговременно взял свидетельство у местного начальства. Сын купца предложил взамен отдать свою сестру замуж за удельного крестьянина. Его предложение было отклонено и принято решение «денег не взимать»⁸.

В 1820 году был изменен порядок выдачи удельных крестьянок замуж за помещичьих крестьян. Департамент предписал при таком браке брать с владельцев последних обязательство о согласии выдать свою крепостную за удельного крестьянина, а «при совершении такой замены возвращать это обязательство и брать от помещика выводное письмо на его крепостную...»⁹, т. е. присутствовал своего рода обмен. В дальнейшем процедура выдачи удельных крестьянок замуж так и не была окончательно урегулирована. Департамент уделов, с одной стороны, не собирался лишать крестьян их права на выход в замужество в другие сословия, а с другой – максимально сократил выход из-под удельной юрисдикции, сохраняя сельский контингент.

³ Там же.

⁴ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – Санкт-Петербург, 1901. – Т. II. – С. 11–12.

⁵ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. – Санкт-Петербург, 1902. – Т. 2. – С. 480.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20.

⁷ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 13; ПСЗ. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. XXVII: 1802–1803. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 881–882.

⁸ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 55–56.

⁹ История уделов за столетие ... – Т. 2. – С. 481.

Такие же правовые коллизии присутствовали и в других вопросах гражданско-правового регулирования. Чтобы разгрузить удельное начальство от постоянной делопроизводственной переписки по вопросам уточнения законодательства и внести ясность в правоприменительную практику, уточнив правовой статус удельных крестьян, со второй четверти XIX века начался процесс постепенного правового уравнивания этой категории сельского населения с помещичьими крестьянами, но он так и не был доведён до своего логического завершения вплоть до реформы 1863 года, а удельные крестьяне сохраняли неопределённый, своего рода промежуточный, правовой статус [15, с. 81–82].

Особенности правоприменительной практики в отношении общегосударственного законодательства выражались и в нивелировании общегосударственных интересов, если они сталкивались с интересами Департамента уделов, что вызывало удивление руководителей других центральных учреждений Российской империи. Как было сказано выше, особое положение ведомства определялось задачами, которые перед ним ставились: увеличение бюджета членов императорской фамилии отвечало и желанию самого императора. Поэтому не удивительно, что ведомство пользовалось властным ресурсом, который был сосредоточен у верховного правителя.

Департаменту уделов в 1797 году было передано имущество в разных губерниях, имения находились на приличном расстоянии, что осложняло управление. Практически сразу возникла идея территориального сосредоточения удельных имений. При Александре I в 1801 году министр уделов Н. Б. Юсупов предложил проект размена земель между уделами и казной¹⁰, что вызвало недовольство других ведомств и части дворянства. Политическая ситуация начала XIX столетия отложила реализацию плана более чем на четверть века. С приходом к власти Николая I вновь вернулись к обсуждению вопроса об укрупнении удельного хозяйства и территориальной концентрации.

Сначала Департамент уделов выступил с предложением безвозмездно передать территории государственных деревень в выбранных губерниях в состав уделов. При этом ведомство провело предварительный мониторинг этих имений и выбрало наиболее доходные из них. Министерство финансов и Министерство государственных имуществ Российской империи категорично высказались против безвозмездной передачи. Начались довольно сложные переговоры, которые сохранились в межведомственной переписке. Удалось договориться о «промене» государственных и удельных имений; были определены территории, которые готовились к передаче¹¹.

Но равноценного обмена не получилось. Он решал преимущественно проблемы Департамента уделов, но не государственной казны: была компактно сосредоточена четвертая часть удельных имений, до этого разбросанная по стране; удешевлялось хозяйственное управление имениями и др. Более того, из архивных документов следует, что в основном к обмену из состава удельных имений предназначались (по данным самого ведомства) малоокаладные и малоэффективные. За некоторыми территориями, которые передавались казне, к тому же числились большие недоимки. Например, в Псковском удельном имении на крестьянах, переданных в казенное ведомство, числилось 3 594 037 рублей ассигнациями 72 копейки недоимок, которые резолюцией императора в 1837 году были «сложены»¹².

Сделка, проходившая по инициативе министра Департамента уделов, увеличила доходность удельного хозяйства более чем на 20 %¹³. По мнению ряда исследователей, такой обмен был больше похож на «практически безвозмездную передачу государственных земель и крестьян»¹⁴. Министр финансов Е. Ф. Канкрин пытался возражать против дополнительного отвода земли в Оренбургской губернии, которая служила резервом переселения государственных крестьян. Министр императорского двора П. М. Волконский заручился поддержкой Николая I и обмен состоялся, нарушив, по мнению министров финансов и государственных имуществ, правовой принцип следования государственным интересам.

Интересны факты особого правоприменения в отношении некоторых чиновников центрального аппарата управления, но, как нам представляется, это не было особенностью только изучаемого нами ведомства. Конкретный вариант поведения определялся

¹⁰ РГИА. – Ф. 1147. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 88–109.

¹¹ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 11–12.

¹² РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 191–192.

¹³ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 160–161; там же. – Д. 46. – Л. 126; там же. – Д. 47. – Л. 26–70.

¹⁴ Седов А. В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Горький, 1954. – С. 6.

субъектами правоприменительной деятельности в четко определенной жизненной ситуации. Так, граф Л. А. Перовский, вице-президент Департамента уделов, должен был лично присутствовать на заседания Сената по всем делам, касающимся удельного ведомства, на основании указа 20 июля 1831 г.¹⁵ Но по его личной просьбе в этом же году император освободил его от присутствия на заседаниях Сената, которые проходили в Москве. Перовскому разрешили присылать заключения по гражданским и межевым делам¹⁶. Видимо, ему не хотелось часто ездить в Москву по служебным делам.

Льва Александровича Перовского, который находился с Николаем Павловичем в дружеских отношениях, в нарушение правила прохождения государственной службы наградили знаком отличия беспорочной службы, засчитав за выслугу, по личной резолюции императора, время лечения за границей (с 1821 по 1826 гг.)¹⁷. Это давало ему право на получение дополнительной пенсии, а после смерти чиновника его вдова приобретала право получать пенсию супруга в течение года.

Насколько границы правоприменительной деятельности в отдельных конкретных случаях были размыты, показывает пример поступившей на высочайшее имя просьбы от крестьянки выпустить ее сына, способного мальчика, из крестьянского сословия для продолжения обучения в гимназии. Николай I закрепил строгий сословный принцип получения образования, поэтому ответил просительнице, что «сие противно постановлениям удельного департамента, в чем объявить просительнице с запрещением впредь утруждать не основательными просьбами»¹⁸. Но оказалось, что крестьянка была кормилицей сына императора Николая Павловича, поэтому на повторную ее просьбу поступила резолюция: выпустить сына Авдотьи Карцовой в мещанство, но «не в пример другим», с рассрочкой платежа отпускных денег в размере 2 000 руб. на 2 года.

Еще одна особенность правоприменительной практики Департамента в структуре государственных учреждений Российской империи выявилась во взаимоотношениях между удельными и губернскими властями. Первоначально Павел I встроил новое ведомство в структуру государственных учреждений Российской империи. Поэтому часть компетенций в отношении управления передаваемого в уделы сельского населения осталась за губернскими властями, которые действовали на основании общегосударственного законодательства. Постепенно Департамент уделов начал формировать собственную нормативную базу, переводя механизмы управления крестьянством и имуществом (например, лесами) под свой контроль и выводя из-под общегосударственного управления. Во второй четверти XIX века было окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору. Нередко норма права по удельному ведомству закреплялась не отдельным актом, а лишь резолюцией императора в делопроизводственном документе, что затрудняло их применение. Только с изданием в 1840-е гг. свода удельных постановлений¹⁹ нормативные акты, касавшиеся Департамента уделов, были систематизированы в едином документе.

Приведем еще один пример. В 1827 году в среде удельных крестьян были обнаружены представители молоканского религиозного течения. По специальной норме, принятой на такой случай императором Александром I, следовало их переселить в специально отведенное место в Таврической губернии. Чиновники Департамента, как и было положено порядком делопроизводства, запросили разрешение на переселение, но Николай I в своей резолюции повелел удельных крестьян-молокан отправлять в рекруты без зачета, а неспособных к военной службе подвергать аресту. Санкции распространялись и на молоканские семейства: детей мужского пола отправляли в военные кантонисты, а женщин – на поселение на Кавказскую линию или в Сибирь²⁰. В правовой норме четко указывалось, что резолюция по делу о молоканах 1827 года, среди которых оказались не только удельные крестьяне, но и государственные, касалась исключительно крестьян удельного ведомства. В решении было указано с удельными крестьянами поступить согласно решению императора, а с казенными было предложено разбираться Министерству внутренних дел²¹. Удельные власти несколько раз уточняли волю императора, правильно ли она была

¹⁵ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 108.

¹⁶ Там же. – Л. 115–115.

¹⁷ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 25–26.

¹⁸ Там же. – Д. 40.

¹⁹ Свод удельных постановлений : ч. 1–6. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1843.

²⁰ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 115.

²¹ Там же.

понята, т. к. противоречила действующей правовой норме. После получения подтверждения были разработаны внутренние правила отправки выявленных крестьян-молокан в соответствии с резолюцией. Видимо такое суровое наказание должно было сдерживать распространение вероучения молокан в удельной деревне, позиционировавшейся императором как образцовая.

Отдельного нормативно-правового закрепления резолюции не последовало. Это привело к сложным взаимодействиям и пространной многостраничной переписке между удельными и губернскими властями, т. к. последние продолжали выполнять общегосударственные предписания. Сами же крестьяне опирались на пересуды и слухи, которые до них доходили²².

Более того, резолюция императора, касавшаяся крестьян-молокан, была распространена и на представителей других неправославных течений удельной деревни. Под ее действие попали в 1828 году иноки Иргизских старообрядческих монастырей, которые оказали неповиновение при присоединении их к Единоверческой церкви. Министерство уделов за Высочайшей подписью повелело «совершеннолетних отдать на военную службу, неспособных калек – на поселение, тяжелобольных оставить под присмотр губернского начальства, а детей, которые по возрасту подходят, сдать Начальству военносиротского отделения»²³.

Правоприменительная деятельность в отношении этого решения постепенно была смягчена, а столь суровое наказание к перешедшим в молоканство применялось недолго. В дальнейшем оно распространялось только на руководителей раскольников, проповедников и «наиболее упорствующих»²⁴. В некоторых случаях даже руководителей не ссылали, а переселяли в Таврическую губернию, т. е. действовали в соответствии с общегосударственным правилом²⁵.

Таким образом, трактование общегосударственных узаконений удельным ведомством находилось в прямой зависимости от резолюций императора, при этом многие распоряжения так и не были оформлены в юридические акты, что усложняло межведомственное взаимодействие.

Интересна и переписка 1853 года между Министерством финансов, Департаментом разных податей и сборов и Министерством императорского двора по вопросу переуступки между удельными крестьянами рекрутских квитанций без совершения крепостных актов.

Суть вопроса заключалась в следующем. Удельный крестьянин купил за своего сына рекрутскую квитанцию. Симбирская казённая палата переправила эту квитанцию, как и было положено на основании ст. 467, 468 Устава о рекрутах²⁶, в Симбирское губернское рекрутское присутствие, которое настаивало, что «передача между государственными крестьянами квитанций производится посредством купчих актов, у крепостных дел совершаемых», соответственно, должна быть уплачена положенная по закону пошлина за совершение купчей. Губернатор дал знать управляющему Сызранской удельной конторы, что крестьянин должен приобрести квитанцию «по точной силе» закона²⁷.

Департамент уделов, в свою очередь, настаивал, что согласно ст. 453 Устава о рекрутах передача рекрутских квитанций посредством купчих, совершаемых в уездном суде или гражданской Палате, производится собственно между мещанами и государственными крестьянами, а «удельным крестьянам таковая переуступка на основании удельных постановлений дозволяет без совершения крепостной записи, с засвидетельствованием только губернской конторы»²⁸. На это Палата объявила, что удельные крестьяне, как и государственные, должны действовать по силе закона и совершать купчие, а соответственно и оплачивать необходимые пошлины: «... казна не должна быть лишена следующих ей пошлин. По сему, в отклонение на будущее время подобных недоразумений, и для соблюдения казенной пользы, могущей простирается до весьма значительной суммы»²⁹. На это Департамент уделов дал свой ответ, что «при передаче рекрутских квитанций между

²² Там же. – Оп. 12. – Д. 568. – Л. 130–131.

²³ Там же. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 178–179.

²⁴ Там же. – Оп. 12. – Д. 513. – Л. 20–32, 39–43, 154–156.

²⁵ Там же. – Л. 154–156, 170–172.

²⁶ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : Свод уставов о повинностях рекрутской и земских. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – Т. 4. – С. 1–132.

²⁷ РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 1411. – Л. 2.

²⁸ Там же. – Л. 3.

²⁹ Там же. – Л. 5.

удельными крестьянами совершения крепостных записей законом не требуется..., относится только к мещанам и государственным крестьянам разных наименований и не распространена на крестьян удельных», которые, по мнению ведомства, составляют особую категорию сельского населения, а вопрос передачи рекрутских квитанций «есть частная, хозяйственная мера по управлению удельными именьями»³⁰. Переписка между ведомствами продолжалась почти два года. Несмотря на то, что министр финансов настаивал на том, что есть прямая выгода государственной казне в поступлении сборов от совершения купчих актов, действительный тайный советник граф Л. А. Перовский настаивал, что удельные крестьяне могут передавать между собой зачетные рекрутские квитанции без крепостных актов с разрешения лишь своего начальства: «Такая переуступка, как одна из мер внутреннего управления удельных имений, дозволяется в видах хозяйственных, к возможному облегчению крестьян в рекрутской повинности, и по многолетнему опыту дознано, что это право, не стесняемое затруднительными формами, приносит им существенную пользу», квитанции остаются в удельном ведомстве, поэтому так и нужно оставить, т. к. «удельные крестьяне пользуются с древнего времени»³¹.

Решение Совета министра финансов выглядело больше вынужденным: хоть и надо собирать с удельных крестьян пошлыны, как это делают государственные крестьяне и мещане, это принесло бы пользу государственному бюджету, но «по не имению узаконения о передаче зачетных рекрутских квитанций между удельными крестьянами по крепостным актам, – оказывается неудобным обязывать сих крестьян совершать таковые акты на означенную переуступку квитанции»³². Это решение получило нормативное закрепление, положительную резолюцию императора и стало основой правоприменительной деятельности по регулированию отношений между удельными крестьянами по вопросу передачи рекрутских квитанций.

Заключение

Исследование правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века в Российской империи на примере государственного учреждения Департамента уделов показывает, во-первых, что наличие правоприменительного акта не обеспечивало его точного исполнения. Границы правоприменительного действия размывались абсолютным характером монархической власти. Во-вторых, император в отношении своего имущества, являясь законодателем, мог менять по своему усмотрению нормативное регулирование, иногда нарушая заложенные в общегосударственном регулировании принципы. В-третьих, не прописывая альтернативные варианты применения законодательных актов, их вариативность в правоприменительной практике, самодержавие не позволяло сделать акценты на региональных особенностях, что дало бы российской монархии большую вариативность в нормотворчестве. В-четвертых, несмотря на то, что имелось четкое предписание закона, удельным чиновникам приходилось постоянно уточнять мнение высокородного владельца, что наращивало внутреннюю нормативно-правовую базу. Специфика принятия управленческого решения в удельном ведомстве, когда император мог в любой момент его изменить, требовала от удельного начальства терпения и многократного уточнения. Это также усложняло межведомственную переписку и взаимодействие с другими государственными учреждениями Российской империи, что в итоге привело к обособлению коронного ведомства.

Несмотря на то, что в целом в Российской империи в XIX веке наблюдались тенденция к упорядочиванию правовой системы и следованию закону, резолюции императора на документах, нарушающие общегосударственные правовые принципы, встречались не только в отношении уделов. В архиве скопилось немалое количество различных просьб, и каждый просил сделать отступление от установленного порядка именно в отношении него.

Список литературы

1. Самусевич А. Г. Понятие и значение стадий правоприменения // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 227–232; <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.29.4.019>.
2. Самусевич А. Г., ШUTOVA В. Н. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98; https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. – Л. 7, 12.

³² Там же. – Л. 13.

3. Палеха Р. Р. Правоприменительный акт – завершающий этап правоприменительной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (42). – С. 114–116.

4. Шаповалова Я. В. Соотношение понятий «правоприменительная ошибка» и «дефект правоприменительного акта» (теоретико-правовой анализ) // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 10 (128). – С. 74–77; <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.10.12>.

5. Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2004. – 202 с.

6. Данилевская И. Л. История науки русского государственного права и современность // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 109–111; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_109.

7. Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX века: свод законов Российской империи // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 100–104.

8. Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 154–160.

9. Шепелева А. С. Особенности правоприменительной деятельности в Российской империи: проблемы обеспечения эффективности (на примере авторского права) // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 56–59.

10. Нагих С. И., Шершнева-Циткульская И. А. Институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти в истории российского права (XV – начало XX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 56–79; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.56.79>.

11. Красникова Ю. Н. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2014. – № 35. – С. 371–376.

12. Минникес И. А., Минникес И. В. Историческое толкование в праве: содержание и виды // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 5–18; [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\)](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2)).

13. Кожевников В. В. Толкование юридических норм: системный подход // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 15–28; <https://doi.org/10.17223/22253513/29/2>.

14. Красникова Ю. Н. К вопросу о формировании удельной системы хозяйствования в начале XIX в. // Вопросы истории. – 2022. – № 11–2. – С. 28–37.

15. Красникова Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений : монография. – Санкт-Петербург: ФГБОУ ВПО СПбГАУ, 2014. – 199 с.

References

1. Samusevich A. G. Ponyatiye i znacheniyе stadiy pravoprимeneniya // Teoriya gosudarstva i prava. – 2022. – № 4 (29). – S. 227–232; <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.29.4.019>.

2. Samusevich A. G., Shutova V. N. K voprosu o ponimaniy i sushchnosti konstitutsionnogo pravoprимeneniya // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4 (70). – S. 84–98; https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84.

3. Palekha R. R. Pravoprимenitel'nyy akt – zavershayushchiy etap pravoprимenitel'noy deyatelnosti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2006. – № 2 (42). – S. 114–116.

4. Shapovalova Ya. V. Sootnosheniye ponyatiy «pravoprимenitel'naya oshibka» i «defekt pravoprимenitel'nogo akta» (teoretiko-pravovoy analiz) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2018. – № 10 (128). – S. 74–77; <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.10.12>.

5. Voplenko N. N., Rozhnov A. P. Praoprимenitel'naya praktika: ponyatiye, osnovnyye cherty i funktsii : monografiya. – Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2004. – 202 s.

6. Danilevskaya I. L. Istoriya nauki russkogo gosudarstvennogo prava i sovremennost' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 11 (215). – S. 109–111; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_109.

7. Samarskiy A. N., Zhulanov A. V. Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka: svod zakonov Rossiyskoy imperii // Filosofiya prava. – 2020. – № 1 (92). – S. 100–104.

8. Mitskevich A. V. Sistematzatsiya zakonov Rossiyskoy imperii M. M. Speranskim // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2001. – № 5. – С. 154–160.

9. *Shepeleva A. S.* Osobennosti pravoprimeritel'noy deyatelnosti v Rossiyskiy imperii: problemy obespecheniya effektivnosti (na primere avtorskogo prava) // *Pravo i praktika*. – 2019. – № 4. – S. 56–59.

10. *Nagikh S. I., Shershneva-Tsitul'skaya I. A.* Instituty naslednika, upravitel'ya (preyemnika) i vospriyemnika verkhovnoy vlasti v istorii rossiyskogo prava (XV – nachalo XX vv.) // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. – 2023. – T. 16, № 4. – S. 56–79; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.56.79>.

11. *Krasnikova Yu. N.* Nikolay I: imperator i pomeshchik (protivorechivost' politicheskogo liderstva v Rossii) // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2014. – № 35. – S. 371–376.

12. *Minnikes I. A., Minnikes I. V.* Istoricheskoye tolkovaniye v prave: sodержaniye i vidy // *Pravoprimereniye*. – 2022. – T. 6, № 2. – S. 5–18; [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\)](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2)).

13. *Kozhevnikov V. V.* Tolkovaniye yuridicheskikh norm: sistemnyy podkhod // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2018. – № 29. – S. 15–28; <https://doi.org/10.17223/22253513/29/2>.

14. *Krasnikova Yu. N.* K voprosu o formirovani udel'noy sistemy khozyaystvovaniya v nachale XIX v. // *Voprosy istorii*. – 2022. – № 11–2. – S. 28–37.

15. *Krasnikova Yu. N.* Udel'nyye krest'yane Severo-Zapada Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnosheniy : monografiya. – Sankt-Peterburg: FGBOU VPO SPbGAU, 2014. – 199 s.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted November 13, 2023; approved after reviewing July 12, 2024; accepted for publication September 5, 2024.